

отживающих косных традиций старого общества, которые рядом буржуазных националистов (Мустафа Чокаев, Вели Каюм-хан и др.) выдавались за «национальную специфику». Особенно остро ставится вопрос оценки национальных традиций — полезных и вредных, и вопросы практической борьбы с вредными пережитками старины.

Авторы правильно подчеркивают, как важно вести научно-атеистическую и воспитательную работу среди населения не только путем пропаганды и агитации, но и созданием новых советских традиций в общественной и семейной жизни: народных праздников (праздник весны, праздник животноводов при начале отгона скота на пастбища, праздник урожая и др.), комсомольской свадьбы, торжественного наречения имени ребенка, гражданской панихиды с участием представителей городской и колхозной общности.

Жаль только, что в этих разделах недостаточно подчеркнута роль трудового воспитания детей в семье, являющегося прекрасной народной традицией и у земледельцев, и у скотоводов, и у ремесленников: народ передавал из поколения в поколение свой трудовой опыт, умение, производственные навыки, что получило свое отражение и в устной народной поэзии.

В специальных разделах трех последних глав освещаются вопросы духовной культуры, излагается история развития фольклора, литературы и всех видов искусства (народного и профессионального) узбеков, каракалпаков и таджиков с древнейших времен до наших дней.

Досадно, что в столь продуманные разделы о духовной культуре вкрались неточности (определение узбекских дастанов как стихотворных поэм, ошибочное перечисление дастанов в цикле «Гор-оглы», стр. 360—361).

Уже один только краткий перечень тематики рецензируемого труда показывает, какая сложная и трудоемкая задача стояла перед авторским коллективом, и нужно сказать, что он с этой задачей вполне справился.

Трудность создания настоящей книги очевидна каждому читателю. Ясно, что дать впервые такое многогранное и всестороннее обобщение по этнографии народов, населяющих Среднюю Азию и Казахстан, как в прошлом, так и в настоящем, поднять всю сумму сложных и многочисленных проблем, связанных с этнической историей народов, и в значительной мере решить эти проблемы на основе анализа огромного фактического материала — мог лишь высококвалифицированный коллектив исследователей, включающий не только этнографов, но и археологов, историков, антропологов, географов, картографов, лингвистов, филологов, искусствоведов и других специалистов.

Следует отметить еще одну, весьма существенную сторону работы творческого коллектива авторов, создавших рецензируемую книгу — сама она явилась результатом органического многолетнего научного сотрудничества ученых Москвы, Ленинграда, Ташкента, Алма-Аты, Ашхабада, Душанбе, Фрунзе, Нукуса и др. — сотрудничества русских ученых и ученых из национальных республик. Книга эта служит конкретным проявлением подлинной дружбы народов СССР, одним из многочисленных фактов, раскрывающих роль русских советских ученых в создании крупных научных центров в братских республиках, в подготовке национальных научных кадров, в частности кадров этнографов, что дало возможность широким фронтом развернуть сплошное этнографическое изучение районов Средней Азии и Казахстана и разрабатывать на этом благодарном материале наиболее кардинальные вопросы этнографической науки.

Книга богато иллюстрирована — рисунками, фотографиями, большей частью представляющими собой полевой материал, а также картами, составленными специально для этого издания. Следует отметить и содержащийся в книге научный аппарат — указатели, глоссарий, список рекомендуемой литературы и др.

Рецензируемая работа представляет собой труд большого научного и политического значения, содержащий глубокие обобщения и выводы, и является крупным вкладом в фонд советской и мировой исторической науки.

А. Валитова

Антропологический сборник III. Труды Института этнографии АН СССР, т. LXXI, М., 1961, Антропологический сборник IV. Труды Института этнографии АН СССР, т. LXXXII, М., 1963.

В течение последних лет в серии Трудов Института этнографии АН СССР вышли в свет два крупных сборника антропологических работ: «Антропологический сборник III» и «Антропологический сборник IV». Обе книги, общий объем которых превышает 30 печатных листов, содержат статьи ряда авторов, посвященные главным образом изучению антропологического состава населения различных территорий Советского Союза в разные хронологические эпохи, вплоть до современности. В связи с характе-

ром материала (краниологическим или соматологическим) целесообразно при дальнейшем рассмотрении разбить рецензируемые исследования на две большие группы: работы, посвященные палеоантропологии (в хронологически широком смысле), и статьи, основанные на изучении соматологических данных.

Новые данные по неолитической эпохе Украины содержат две статьи Т. С. Сурниной: «Палеоантропологические материалы из Вольненского неолитического могильника» (Антропол. сборник III) и «Палеоантропологические материалы из Александрийского энеолитического могильника» (Антропол. сборник IV). Материал из Вольненского неолитического могильника (23 пригодных для изучения взрослых черепа, 10 детских, а также длинные кости от 18 скелетов) существенно дополняет общую неолитическую серию с территории Поднепровья. Обращают на себя внимание огромные размеры лица и головы. По типу в целом черепа чрезвычайно близки к другим неолитическим сериям Надпорожья: вонижским и из могильника Васильевка II. В статье, наряду с материалами, относящимися к взрослому населению, почти по полной краниометрической программе приведены индивидуальные измерения детских черепов, что существенно дополняет общую характеристику серии. Автором проведено изучение посткраниального скелета. Заслуживает быть отмеченной тщательность общего морфологического изучения черепа: детально указываются особенности костного рельефа, мест прикрепления мышц, строения нижней челюсти, зубной системы, формы прикуса. Пристальный морфо-функциональный анализ позволяет автору представить веские соображения о некоторых причинах, объясняющих исключительную массивность данной серии: последняя связана с чрезвычайно сильным развитием жевательного аппарата, что, в свою очередь, может быть поставлено в зависимость от пищи неолитических племен Надпорожья.

Поздненеолитической серии из лесостепной части Украины посвящено второе из упомянутых выше исследований Т. С. Сурниной. Александрийский энеолитический могильник расположен в Кулянском районе Харьковской области, из него получено 14 черепов (12 определены как мужские, 2 — как женские). Общей массивностью, крупными размерами, преобладанием долихокрании изученная серия обнаруживает весьма большое сходство с неолитическими сериями западных и южных областей Надпорожья — Приазовья, однако некоторое уменьшение ширины лица в александрийской серии автор склонен объяснять участием в формировании антропологического типа населения этой области племен древнейшей культуры.

Изучению палеоантропологического материала из могильников черняховской культуры Молдавии посвящена статья М. С. Великановой (Антропол. сборник III). Материал происходит из двух могильников — Будештского (35 черепов и длинные кости от 31 скелета) и Малаештского (12 черепов и кости от 6 скелетов). Этот количественно не очень значительный материал при тщательном его анализе позволил автору продемонстрировать большую роль антропологических данных при определении палеоэтнических связей. Было установлено, что брахикранные черепа преимущественно относятся к погребениям с сарматским обрядом, а сравнение их с сарматскими сериями обнаружало значительное морфологическое сходство с «астраханской» группой сармат. Кроме того, рассмотрение кривой распределения черепного указателя дало возможность заключить, что в популяции, оставившей могильник в Будештах, примесь сарматского элемента не была давней и значительной по удельному весу. Автор рассматривает полученные антропологические данные применительно к гипотезам смежных наук о происхождении населения черняховской культуры и показывает, что антропологические материалы свидетельствуют против теории о генетической связи его с готами. Далее, приведенные в исследовании материалы указывают на близость антропологического типа данной группы населения черняховской культуры и южных групп восточных славян. Это делает правомерной точку зрения об участии черняховцев в формировании антропологического типа южных групп восточных славян, однако автор не без основания предостерегает от обязательного перенесения и славянского языка на черняховские племена.

Изучению материалов, заметно увеличивающих численность остеологических находок середины первого тысячелетия до н. э. в Нижнем Поволжье, посвящена работа Б. В. Фирштейн «Савроматы Нижнего Поволжья» (Антропол. сборник III). В дополнение к уже известным описаниям черепов эпохи савроматов из разных областей автор представляет новые материалы (по изучению 21 черепа), происходящие главным образом из раскопок в низовьях реки Еруслан (Бережновский комплекс раскопок) нынешней Волгоградской области.

Представленные оригинальные данные, а также привлеченные сравнительные материалы показывают, что в сложении савроматских племен Нижнего Поволжья, по-видимому, приняли участие этнические элементы срубной культуры этой территории, а также племена эпохи бронзы Казахстана.

Некоторые новые сведения о населении южного Таджикистана во второй половине первого тысячелетия до н. э. дает небольшая серия черепов, описанная Т. П. Кияткиной («Череп из могильника Арук-Тау», Антропол. сборник III). Данные о 14 черепах (9 мужских и 5 женских) характеризуют серию как европеоидную с довольно широким размахом индивидуальной изменчивости признаков. Рассмотрение антропологической

характеристики черепов серии из Арук-Тау позволило автору сделать заключение о несомненном преобладании долихокранного европеоидного антропологического типа населения южного Таджикистана в последних веках до н. э.

Опубликованы две работы В. В. Гинзбурга, посвященные исследованию двух разновременных и разноколичественных серий: «К антропологии ранних кочевников Восточного Казахстана» (Антропол. сборник III) и «Краниологическая характеристика узбеков» (Антропол. сборник IV). Изученная серия черепов ранних кочевников (середина первого тысячелетия до н. э.), происходящая из Восточного Казахстана, невелика (15 черепов). Морфологическая их характеристика указывает на возможную, хотя и не очень демонстративную монголоидную примесь.

Краниологическая серия узбеков, представленная главным образом материалами из кладбища Шейхантаур в Ташкенте, весьма многочисленна — свыше 300 черепов. В статье приведены данные и по другим изученным группам узбеков, и таким образом краниологическая характеристика узбеков разных областей может считаться достаточно полной. Принадлежность узбеков к расе среднеазиатского междуречья и на краниологическом материале выявляется вполне отчетливо. При анализе расового типа исследуемой серии автор прибегает к рассмотрению средних величин, коэффициентов корреляции между признаками, сравнению групп мерой стандартного отклонения, а также к типологической характеристике каждого черепа в серии. В результате этого последнего приема представлено процентное распределение по восьми (1) типам, выделенным автором без соблюдения какого-либо единого принципа и обозначенным разными категориями. Так, здесь названы типы: андроновский, переднеазиатский, среднеазиатского междуречья, «недифференцированный», «долихокранный», «смешанный недифференцированный», южносибирский, «монголоидный» (Антропол. сборник IV, стр. 116). При этом оказывается, что «современные черепа андроновского типа» (стр. 117) морфологически совершенно не тождественны андроновцам эпохи бронзы, а черепа, отнесенные к переднеазиатскому типу, весьма очевидно отличаются по ряду важных признаков (профилю лица, выступанию носа и др.) от характерных представителей этого типа (армян). Подобная классификация, как нам кажется, может вызвать лишь возражения, ибо ни в какой мере не проясняет действительный процесс формирования антропологического состава данной популяции. В некоторых случаях, при рациональной мере использования метода индивидуальной типологической характеристики, указанный прием может оказывать известную помощь исследователю, но в данной работе применение этого метода доведено до той степени, когда уже утрачивается хронологическое и морфологическое содержание того или иного антропологического типа, и его роль в анализе материала вряд ли можно назвать положительной.

«Антропологический сборник III» содержит также работы, посвященные изучению палеоантропологии Сибири: статьи В. П. Алексева «Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы» и Н. Н. Мамоновой «Кочевники Забайкалья IX—XIII вв. по данным палеоантропологии».

Работа В. П. Алексева содержит подробное рассмотрение всех известных находок указанных эпох с всесторонним анализом возможных направлений этногенетических связей с точки зрения палеоантропологических данных и фактов смежных наук. Малочисленность материала, в первую очередь неолитической эпохи, где исследователь имеет дело с единичными черепами, и особенно применительно к огромной территории (юг Красноярского края, Минусинская котловина, прилегающие области Западной Сибири, Алтай) требует большой осторожности в трактовке материала. С этой точки зрения известное возражение, как нам кажется, может вызвать предположение автора, возникшее из оценки расовой принадлежности двух черепов неолитической эпохи: черепа из-под Красноярска (раскопки З. К. Глусской) и черепа, найденного у с. Батени. По некоторым признакам (вертикальному профилю лица и пропорциям носа) они, действительно, напоминают представителей экваториальных форм. Широко привлекая «южные» параллели из области смежных наук, автор защищает точку зрения о широких связях с далеким югом (вплоть до северной Индии) и возможности проникновения в Минусинскую котловину и в Красноярский край каких-то этнических элементов, характеризовавшихся чертами экваториальных расовых типов. Проникновение этого «южного» этнического элемента должно было бы быть ощутимым, ибо трудно допустить сколько-нибудь значительную вероятность сохранения остатков случайных включений в популяцию. Поэтому представляется, что высказанная точка зрения интересна и плодотворна для поисков новых связей, но имеет не больше преимуществ, чем не подддержанная автором гипотеза об известной морфологической недифференцированности, предполагающей, кроме черт сходства с тем или иным современным расовым комплексом, еще и чрезвычайно широкий размах вариабильности, которым можно было бы объяснить и своеобразие морфологического облика указанных находок. Особо должны быть отмечены разделы работы В. П. Алексева, посвященные критике методически несостоятельных приемов, примененных в анализе антропологического состава населения Алтае-Саянского нагорья в неолитическую и бронзовую эпохи некоторыми польскими антропологами. Статья содержит обстоятельную и очень широко привлеченную библиографию.

В «Антропологическом сборнике IV» помещены работы, посвященные изучению краниологии средневекового населения северо-запада Восточной Европы (Т. И. Алексеева), антропологическому типу казахов (О. Исмагулов), краниологической характеристике средневекового населения из костехранилища Фринкент под Самаркандом (Г. В. Туркевич).

Оба сборника содержат работы по изучению современного населения ряда областей. Антропологическому составу населения Греции посвящена статья А. Н. Пуляноса в «Антропологическом сборнике III». Автор приводит географическое распределение антропологических признаков по отдельным областям Греции, выделяет локальные варианты в антропологическом типе греков. К сожалению, в представленные таблицы значений отдельных признаков не попали данные по весьма важным описательным характеристикам — поперечному профилю лица, выступанию скул, морфологическим особенностям глазной области, профилю и толщине губ, форме подбородка и форме затылка.

Изучению антропологических типов современного населения Кавказа посвящены две работы в «Антропологическом сборнике IV»: М. Г. Абдушелишвили «Об антропологическом составе современного населения Армении» и В. П. Алексеева «Антропологические данные к проблеме происхождения населения центральных предгорий Кавказского хребта». М. Г. Абдушелишвили приводит распределение соматологических признаков по территориальным группам армян. Собранные ранее обширные материалы по другим этническим группам Кавказа позволяют автору подойти к обсуждению распространения и формирования антропологических типов Кавказа и в первую очередь переднеазиатского. В частности, автор полагает, что северную границу переднеазиатского варианта, к которому принадлежат армяне и некоторые группы грузин, можно продвигать на север вплоть до предгорий Западного Кавказа (стр. 13). Обращаясь к оценке своеобразного антропологического типа этнических групп Центрального Кавказа, М. Г. Абдушелишвили приводит соображения в пользу уже высказанной им ранее точки зрения об автохтонном происхождении кавказского типа. Автор склонен считать эпохальную изменчивость краниологических признаков, и прежде всего брахикефализацию, основным путем, приведшим к образованию очень крупных размеров головы и чрезвычайно большой ширины лица у представителей кавказского типа. Однако, указывая на немногочисленные, но все-таки имеющиеся примеры значительной скуловой ширины на палеоантропологических находках разных эпох, он предполагает и более широкое распространение кавказского типа в прошлом.

Обсуждению путей формирования кавказского типа посвящена и указанная выше работа В. П. Алексеева. Автор подверг обстоятельному критическому рассмотрению имеющиеся в литературе точки зрения о происхождении антропологического типа населения центральных областей Большого Кавказа — «автохтонную» и «миграционную» (обозначенную несколько неудачно, как нам кажется).

При анализе эпохальных изменений черепа автор приводит интересные сравнительные материалы по разным территориям (например Северному Китаю, Египту) и приходит к выводу об отсутствии повсеместного распространения единых эпохальных изменений. В. П. Алексеев собрал многочисленные данные из области лингвистики, топонимики, фольклора, этнографии, свидетельствующие в пользу древнего и генетического единства этно-территориальной общности в центральной части Кавказского хребта и предгорий. Более поздние культурно-лингвистические наслоения в значительной степени разобщили этот некогда единый пласт, и в настоящее время лишь своеобразные антропологического типа (принадлежность к кавказскому типу) указывает на родственные связи в прошлой истории разноязычных групп Центрального Кавказа. Сохранению же этого физического типа, напоминающего морфологические особенности «протоевропейцев», по мнению автора, способствовала изоляция в высокогорных районах Кавказа. Думается, что эта точка зрения на историю развития кавказского типа, предложенная В. П. Алексеевым, наиболее полно аргументирована и представляется в полной мере убедительной.

В рецензируемых сборниках представлены соматологические материалы и по населению Сибири: в «Антропологическом сборнике III» статья Ю. Г. Рычкова «Материалы по антропологии западных тунгусов», статьи В. В. Бунака и Г. М. Давыдовой по русскому и метисному населению Забайкалья в «Антропологическом сборнике IV». Работа Ю. Г. Рычкова посвящена попытке создания обновленной классификации расовых типов Сибири в связи с обследованием автором одной из групп западных эвенков на Нижней Тунгуске. Рассматриваются главным образом территориальные и расогенетические взаимоотношения байкальского и катангского типов.

Привлекая обширный сравнительный материал по другим этническим группам, собранный разными исследователями и в разное время (что, впрочем, автором не принимается во внимание, несмотря на неизбежность различий индивидуальных оценок описательных признаков), Ю. Г. Рычков настаивает на распространении типа, свойственного енисейским эвенкам, почти на всей территории расселения тунгусоязычной общности — от Енисея, через Прибайкалье, до Охотского побережья. Анализируя имеющиеся все еще недостаточные антропологические материалы по эвенкам, трудно согла-

ситься с утверждением о таком ареале катангского типа. К сожалению, автор внес в оценку имеющихся данных значительную долю субъективизма, что лишает его систему аргументации необходимой убедительности.

Не имея возможности в данной рецензии подробно разбирать все спорные утверждения автора, укажу лишь некоторые моменты. Например, для обоснования близости к типу западных эвенков некоторых восточных групп привлекается только часть признаков, а не весь комплекс, который не позволил бы настаивать на единстве типа, скажем, нижнетунгусских и североприморских эвенков, ибо важнейшие классифицирующие признаки — пигментации волос и глаз, высота переносья — разительно отличают эти группы. Далее, автор пишет об изоляции северобайкальских эвенков от баунтовских, между тем как (по признанию самого автора) и территориально и по родовому составу это наиболее близкие группы, не говоря уже о типе хозяйства — таежного оленеводства и охоты, при котором расстояние в две — три сотни километров никак не может быть непреодолимой границей. Следует отметить чрезвычайную нечеткость предложенной схемы «распадения» байкальского антропологического типа (который автор предпочитает называть расой, что само по себе нуждается в таксономическом обосновании) на варианты. При этом оказывается, что эвенкам северного Прибайкалья, физические особенности которых и послужили основой для выделения байкальского антропологического типа, этот тип не свойствен (стр. 255). Представляется совершенно неудачным название «юкагирский антропологический тип», которым автор без должных оснований заменяет термин «байкальский антропологический тип», привнося, кроме того, в его характеристику особенности антропологического типа эвенов Камчатской области. Антропологически юкагиры известны в крайне общих чертах, и категорическое обозначение какого-либо уже известного комплекса «юкагирским» представляется преждевременным.

Работа В. В. Бунака посвящена изучению закономерностей изменчивости признаков в метисных популяциях на материале русско-бурятской метисной группы из Забайкалья. Сопоставляются параметры изменчивости в данной группе с таковыми в исходных группах, за которые приняты одна из соседних бурятских групп и обобщенная группа русского населения европейской части СССР. В отличие от известных в литературе исследований метисных популяций В. В. Бунак стремится учитывать степень родства в данной группе. В работе анализируются кривые распределения признаков, величины и характер корреляций между ними, сопоставляются «стандарты изменчивости» — показатели, введенные автором для сравнительной оценки вариability признаков в исходных и метисированных группах. Автор указывает на необходимость дальнейшего широкого проведения исследований в смешанных группах для выяснения закономерностей наследования и распределения расовых признаков в популяции.

С указанной выше работой В. В. Бунака тесно связана статья Г. М. Давыдовой, посвященная анализу антропологических особенностей группы русских — потомков старообрядцев в Забайкалье.

«Семейские» русские могут рассматриваться как достаточно изолированная группа, представляющая некоторый материал для анализа характера распределения признаков. В обеих указанных работах широко привлекаются различные статистические показатели достоверности различий и общего характера распределения. Представляется несомненным, что этот начальный опыт подхода к изучению популяции с точки зрения степени родственных связей в ней для более глубокого анализа изменчивости и характера наследования расовых признаков должен быть всемерно поддержан.

Таким образом, предшествующий обзор показывает, что советская антропологическая литература пополнилась двумя ценными книгами, посвященными, правда, лишь проблемам этнической антропологии. Представляется крайне желательным, чтобы последующие сборники антропологических работ содержали исследования и по другим разделам антропологии.

И. Золотарева

Русский фольклор Великой Отечественной войны. Ответственный редактор В. Е. Гусев. М.—Л., 1964, 478 стр.

Монография «Русский фольклор Великой Отечественной войны», выпущенная Институтом русской литературы АН СССР, является первым обобщающим трудом по народному поэтическому творчеству военных лет. В ней представлены все жанры фольклора, тогда как предшествующие исследования касались главным образом песенного творчества. Почти не изученными до последнего времени оставались повествовательные жанры и малые фольклорные формы. Авторским коллективом проделана огромная работа, к исследованию привлечены обширные архивные источники.